

Сопов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, т.:8(918)42440792, e-mail: avsopov@front.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАЧЕСТВА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

(рецензирована)

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи процессов трансформации природы казачества и процессов изменения российской геополитики. Автор обращается к теме эволюции казачества как особого социально-политического института в рамках теории противостояния так называемого «варварского мира» и цивилизации, используя известные методики анализа.

Ключевые слова: Казаки, архаика, государство, граница, геополитика, региогенез.

Sopov Alexander Valentinovich, Candidate of History, associate professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Information Systems in Economics and Law, Maikop State Technological University, tel.: 8 918 424 407 92. E-mail: avsopov@front.ru.

THE EVOLUTION OF THE COSSACKS AND GEO-POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

(Reviewed)

It is still necessary to consider the Russian Cossacks as a social and political phenomenon and its role in the development of the Russian state. The role of the Cossacks should be overestimated taking into account geo-political interests of Russia. The evolution of the Cossacks is closely connected with the state development, effective land using, and formation of the armed forces.

Keywords: The Cossacks. Archaic, state, border, geopolitics, regional genesis.

Обычно специфика казачества укладывается в общепринятую антиномию: казаки — особый этнос или казаки — военно-служилое сословие. На наш взгляд каждый «окончательный» ответ на вопрос: что такое казачество? — лишь усложняет ситуацию и затемняет истину. В данной статье за базовую взята не новая, но не распространенная версия рассмотрения казачества как «варварского мира» на периферии российской цивилизации, предложенная И.Г. Яковенко.

Весь жизненный цикл казачества — от зарождения до фактического растворения в строе русской жизни — как нельзя лучше иллюстрирует процессы формирования государства российского и русской нации. Высокая значимость роли этого уникального в мировом масштабе социально-политического института в структуре государства была связана последовательно с необходимостью установления контроля со стороны государства над казачеством как дестабилизирующим политическим фактором, государственным освоением занимаемых казачеством окраинных земель, и наконец, с развитием имперских органов власти и вооруженных сил. Этническая, географическая, цивилизационная мозаичность России, неоднозначность явлений и процессов «включения» в состав Российского государства различных территорий и этносов только прибавляет злободневности исследованиям, подобным предложенному вашему вниманию.

Казачество возникло за рамками государства. Оно начало формироваться как разбойно-промысловая вольница, независимая и своеобразная. Казачество на протяжении всей своей истории сохраняло военно-демократический стержень архаической культуры. Этнические характеристики «предказачества» и раннего казачества, как это доказано в работах автора [1], не вполне совпадают с русскими. «Самосознание казачества — особая, не тождественная зрелому государству сущность» [2]. Хотя на позднем этапе своей истории казаки ощущали себя опорой царизма, они ревниво сохраняли при этом свою автономию. И. Яковенко считает их «поздними варварами» [3]. Солидаризируясь с его точкой зрения, можно заключить, что казаки (как и варвары) — чистые примеры устойчивой паллиации, переходного состояния, сочетающего в себе элементы современного общества и племенного быта, цивилизации и доцивилизационной архаики.

Земледельческое общество соседствовало здесь с необозримым степным пространством, требовавшим освоения и закрепления, на которые уходили столетия. В

подобных случаях паллиация получает идеологическое и культурное оправдание и становится исключительно устойчивым явлением. Драма истории казачества состоит в том, что Россия медленно, но неуклонно ассимилировала степные пространства в территориальную систему оседлого земледельческого общества. Русская культура инкорпорировала широчайшие пласты архаического казачьего менталитета.

Разумеется, казачество как явление не может быть исчерпано отнесением к классу поздневарварских феноменов. Тем не менее, оно сохранило основной институт военной демократии — войсковой круг. К стержневым, определяющим суть казачьей культуры является архаическое отношение к оружию — атрибуту полноценного, свободного человека. «Настоящая» праздничная одежда казака — военная форма. «Если в современном обществе война, прежде всего, несчастье, то для казака — это неустранимый момент бытия, необходимое испытание, своеобразная инициация» [4].

«Являясь особым периферийным феноменом, частично интегрированным в большое общество, казачество выступало носителем иноприродного, догосударственного, т. е. хаотического, начала» [5]. Этим во многом определяется природа казачества и его место в общерусской истории и взаимоотношениях с государством. Эти отношения всегда были противоречивыми и драматичными. Достаточно сказать, что все крупнейшие народные восстания (т.н. крестьянские войны) в России происходили при деятельнейшем участии казаков и под руководством их вождей: И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева.

Россия как централизованное и растущее государство всегда нуждалось в казаках как в эффективных военных союзниках и авантюрных первопроходцах. Симптоматично, что, например, первыми сибирскими землепроходцами были именно казаки: Ермак, С. Дежнев, Е. Хабаров, В. Поярков, а уже в открытые ими земли устремлялась волна русских колонистов. Для этих целей государство подкупало казачество, давало ему льготы, способствовало социальному расслоению в казачьей среде. В то же время из-за своей иноприродной сущности казачество должно было быть локализовано, подавлено и в этом подавленном состоянии инкорпорировано в государство.

Смута начала XVII века ослабила государство и усилила казачество. Российское государство практически распалось. Казачество не победило только потому, что не имело, да и не могло иметь, «приемлемой модели социального устройства для

населения России» [6]. В конце XVIII века традиционные территории проживания казаков полностью вошли в состав Российского государства. Опираясь на новую геополитическую реальность, российское правительство начало фронтальное наступление с целью полной интеграции казачества (упразднение Запорожской Сечи, превращение казачества в регулярное войско, ограничение самоуправления, переселение части казаков на вновь образовавшуюся пограничную линию и т. д.). «Пугачевщина — последний всплеск сопротивления, где прозвучал голос исторического казачества» [7]. В XVIII веке оно начало переход к земледелию.

Последним аккордом данного периода стало переселение запорожцев (1783 г.) и казачьего войска с Буга (1793 г.) на Кубань, где в итоге появились не только соответствующие войсковые структуры, но и сложилась своеобразная в социокультурном отношении самостоятельная субрегиональная общность. Завершение Кавказской войны хронологически совпало с экономической реструктуризацией России, а с позиций становления Юга России вся дальнейшая его траектория органично укладывается в единый этап региональной интеграции. Доминантным для нее вектором региногенеза стало «соразвитие этнических и территориальных структур, которые предопределялись взаимообусловленными тенденциями — русификацией и кавказизацией» [8].

Роль казачества в истории России во многом определялась тем, что именно оно стало той основной силой, на которую Российское государство опиралось при оформлении своих геополитических границ на юге и проводило гибкую религиозную и социальную политику. Это предопределило сильные «охранительные» и «державные» ментальные ориентиры казачества. В массовом сознании казаков глубоко укоренился миф границы. Граница стала почти сакральным понятием, что нашло отражение в фольклоре казаков. Но вместе с тем, в пограничных зонах, как показывают исторические источники, наблюдалась тенденция образования устойчивой казачьей государственности, не получившей завершения в силу объективных причин.

В первую очередь подобная тенденция прослеживалась в Войсках Донском и Запорожском, гребенское казачество такой силы сплоченности не имело, а терское и кубанское формировались уже под опекой государства. Но, даже став подданными Москвы, казаки сохраняли основные принципы внутреннего самоуправления. А если

учесть, что государство номинально сделало казаков собственниками войсковых территорий, а само казачество представляло хорошо организованную военную силу, отдаленную от центра, находящуюся в иноэтничном окружении, то роль южных пограничных зон власть недооценить не могла и в соответствии с этим строила свои отношения с казачьими регионами.

Укрепление и развитие централизованного российского государства неизбежно влекли подавление казачества. Наоборот, ослабление и распад государства провоцировали всплеск казачьей стихии. За Смутным временем следует Гражданская война XX века. Казачество в этот период переживает еще один расцвет и на короткое время превращается в фактор, определяющий судьбы России. Традиционные казачьи земли становятся базой Белого движения. С крахом империи воспроизводится ранняя историческая ситуация, и казачество возрождается как «квазигосударственный политический субъект» [9]. Карта гражданской войны показывает, что белые были сильны до тех пор, пока действовали на Юге, на территориях бывшего Дикого поля, но стали терпеть поражения на исторических границах Московского княжества. Объективно казачество выступило на стороне сил, противостоявших советскому государству и обещавших сохранить традиционную автономию. В новой исторической ситуации воспроизвелась борьба централизующего государства и вольнолюбивого казачества. Как видно, взаимоотношения казачества и российского государства четко вплетены в контекст исторических событий.

Литература:

1. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. Майкоп: МГТУ, 2006. 148 с.
2. Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // Общественные науки и современность. 1996. №3. С. 107.
3. Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель // Общественные науки и современность. 1995. №4. С. 66-78.
4. Яковенко И.Г. Подвижен, отчаян и храбр // Родина. 1995. №10. С. 69-73.

5. Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // Общественные науки и современность. 1996. №3. С. 109.
6. Станиславский А. Казацкое движение 1615-1618 годов // Вопросы истории. 1980. №1. С. 104-106.
7. Фирсов Н. Пугачевщина: Опыт социально-психологической характеристики. М., 1966. 237 с.
8. Битова Е.Г. Изучение социокультурного взаимодействия на Северном Кавказе: диалог центра и периферии в «большом» российском обществе (вопросы методологии) // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Ростов-на-Дону, 2000. С. 20.
9. Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // Общественные науки и современность. 1996. №3. С. 110.